

П. Гарковенко

Война России с Турцией 1877-1878 года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Гарковенко**
Война России с Турцией 1877-1878 года / П. Гарковенко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 962 с.

ISBN 978-5-458-06353-1

Война России с Турцией 1877-1878 года. Подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу. Подвиги русских богатырей нашего времени, их биографии, очерки, рассказы, сцены и проч. Составил по достоверным официальным источникам, корреспонденциям участвовавших и по словам очевидцев.

ISBN 978-5-458-06353-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

Кромѣ добровольцевъ, рѣшившихся промѣнять мирныя занятія на браанный мечъ, кромѣ лицъ, посвятившихъ себя дѣлу ухода за страждущими и ранеными на полѣ брани, всѣ остальные русскіе безъ различія пола, отъ мала до велика, кто чѣмъ могъ, приносили свою посильную лепту нуждамъ войны.

Теплое участіе слышалось повсюду. Извѣстіе о неудачѣ—паводило полное уныніе; побѣда вызывала съ устъ каждаго «Слава Богу!» крестное знаменіе, молебны, общій восторгъ и взаимныя поздравленія.

Вообще такое событіе, какъ минувшая война, не скоро забудется; слишкомъ много свидѣтелей войны, слишкомъ много участниковъ этой горячей эпохи. Еще до сихъ поръ не изгладился изъ народной памяти тѣ живыя впечатлѣнія славныхъ боевъ подъ Плевной, подъ Карсомъ и проч. и изъ устъ въ уста переходятъ характеристическія сцены и рассказы изъ боевой жизни героевъ. Весьма часто, а особенно послѣ Санъ-Стефанскаго мира, стали требовать книгъ съ изложеніемъ полного хода событій изъ войны 1877—78 годовъ. Каждому патриоту желательно и хочется имѣть болѣе подробную лѣтопись событій, интересную особенно по счастливому окончанію и по завиднымъ лучамъ военной славы, озарившей Россію.

Частыя требованія на эту книгу побудили насъ прибѣгнуть къ составленію сборника, содержащаго всѣ замѣчательныя и достовѣрныя военныя событія, совершившіяся, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи. Поспѣшность, съ которою была составлена книга, по требованію читающей публики, не помѣшала намъ издать нашъ сборникъ довольно подробно.

Эту книгу, хотя не можемъ предложить, какъ «исторію войны»—послѣдняя всегда требуетъ для своей разработки многолѣтняго труда и должна содержать болѣе одного тома,—но можемъ думать, что она можетъ быть прекраснымъ матеріаломъ для составителя исторіи войны, а для каждаго читателя—любителя серьезнаго чтенія—справочной книгой.

Считаемъ пужнымъ замѣтить, что нашъ сборникъ, если можетъ занять видное мѣсто на библиотечной полкѣ, то найдетъ также мѣстечко въ скромномъ убѣжищѣ небогатаго патриота; также по значенію содержанія можно быть увѣреннымъ, что она найдетъ много читателей въ оенныхъ госпиталяхъ и библиотекахъ.

Кромѣ описанія полного хода той или другой битвы, книга наша обогащена разнаго рода эпизодами, анекдотами, сценами изъ бытовой, боевой жизни нашего воина, съ типичными подробностями, чтобы лучше развернуть картину военныхъ дѣйствій предъ читателями, и смягчить

этими аксесуарамъ, тяжелой, суровой видъ войны. Въ ней читатель увидитъ солдата въ бою и на отдыхѣ.

Такъ какъ вымыселъ тамъ не позволителенъ, гдѣ требуется истина, хотя иногда печальная или суровая, мы, благодаря богатству матеріала, все содержаніе сборника составили по сообщеніямъ корреспондентовъ и свидѣніямъ собраннымъ изъ правительственныхъ газетъ и журналовъ, и изъ официальныхъ источниковъ— въ чемъ конечно просимъ извиненій гг. редакторовъ и корреспондентовъ.

Война съ ея событіями принадлежитъ вѣку и исторіи, а не намъ; мы только свидѣтели—очевидцы или участники совершавшагося акта, и требуетъ соблюденія полной правды. Нужно отдать въ этомъ отношеніи полную благодарность писателямъ-корреспондентамъ за ту правду и чувство, которые они вносили въ свои рассказы о войнѣ. Нужно благодарить за ту тонкую наблюдательность, которая не оставляла ихъ даже въ самыя тяжелыя минуты ихъ походной жизни.

Книга украшена портретами героевъ и многими рисунками изъ замѣчательныхъ военныхъ подвиговъ и мы были бы очень счастливы, если бы старый ветеранъ минувшихъ битвъ, читая о славѣ русскаго оружія; могъ сказать съ нами вмѣстѣ: «богатыри не выведутся на Русь»; а молодой воинъ, читая нашу книгу, вспоминалъ бы недавнее минувшее, и питалъ въ себѣ надежду, что онъ въ рядахъ славныхъ героевъ не будетъ послѣднимъ и увлекался бы желаніемъ подражать доблестнымъ подвигамъ.

Составитель.

Начало Славянского Возстанія.

Дѣло началось въ расплохъ, внезапно, безъ всякихъ дипломатическихъ подготовокъ.

Гдѣ то въ Баньясахъ, въ гористомъ уголкѣ Герцеговины, о существованіи котораго едва ли кто подозрѣвалъ въ цивилизованномъ мірѣ, горсти Славянъ надоѣло вѣчно платить подати Порты и въ замѣнъ ихъ вѣчно выносить оскорбленія, насилія и терзанія отъ оттоманскихъ чиновниковъ.

Когда чиновники Порты, по заведенному обычаю, въ началѣ мѣсяца 1875 года явились къ Герцеговинцамъ обобрать у нихъ весь годичный заработокъ, наши братья по крови прогнали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ—и вскорѣ міръ узналъ, что какіе-то Славяне, гдѣ-то бунтуютъ.

Положеніе, въ которомъ Славяне находились, было тѣсное, объ этомъ и говорить нечего, если горсть слабыхъ вооруженно искала своей защиты и билась не на животь, а на смерть, предпочтя конечно мирную пастушескую жизнь трудному боевому положенію въ войнѣ съ войсками блистательной Порты.

Положеніе Славянъ, Босняковъ и Болгаръ ископи было рабское, и хотя они много разъ приносили жалобы, но ихъ справедливыя просьбы о защитѣ были «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Россія была занята своими дѣлами и немогла удѣлить на ихъ долю большаго вниманія, а западная Европа и того менѣе, можетъ быть соглашалась съ Турціею во взглядахъ, что Сербы и прочіе Славяне отъ природы—рабы, и Славяне—страдали! Не видя себѣ защиты ни съ запада ни съ востока, они рѣшились на отчаянное рѣшительное намѣреніе—отстаивать свою свободу или—погибнуть.

Въ нѣсколько недѣль вся южная Герцеговина, опираясь на Черногорцевъ, уцѣлѣвшихъ, какъ бы чудомъ отъ посторонней зависимости, возстала, въ страшномъ видѣ, разжигаемая новыми насиліями Турокъ и уже въ половинѣ Іюля образовался комитетъ для освобожденія раи.

Предстояла большая работа: здѣсь шло дѣло не объ освобожденіи горсти Герцеговинцевъ, которымъ за то, что они прогнали сборщиковъ податей, угрожала смерть, а объ освобожденіи раи, всего славянскаго населенія Турціи, отъ Адриатическаго моря, Дуная до моря Эгейскаго. Какъ ни интересно было бы прослѣдить первыя стычки Герцеговинцевъ съ Турками подъ предводительствомъ Пеко Павловича, Любобратича, Лазаря Сочицы, и другихъ вождей, распространенія возстанія въ Босніи и отчасти въ Старой Сербіи, но имѣя въ виду внести краткій очеркъ славянскаго возстанія, какъ причину русской-турецкой

войны, мы не позволяемъ себѣ останавливаться на подробностяхъ. Достаточно упомянуть, что Славяне, отлично знакомые съ мѣсностью, почти всюду побѣждали войска Порты, не смотря на ихъ численное превосходство.

Въ Европѣ зашумѣли, заговорили въ Россіи о братьяхъ Славянахъ; прежде и энергичнѣе всѣхъ заговорила дипломатія: при первыхъ же вѣстяхъ о движеніи въ Герцеговинѣ, она подала Портѣ совѣтъ, какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе подавить возстаніе въ зародышѣ. Легко было дипломатамъ подавать хорошіе совѣты, но она спросила-бы Турцію, могла-ли та исполнить благоую мысль, когда небольшіе славянскихъ Горцевъ отряды въ какую нибудь тысячу и много въ двѣ тысячи побѣждали турецкія полчища и прогоняли ихъ.

Впродолженіе осеннихъ мѣсяцевъ Порта сосредоточила въ возставшихъ мѣстностяхъ регулярную армію въ 30 тысячъ человекъ. Тѣмъ не менѣе втрое меньшее число славянъ наносило ей ударъ за ударомъ.

Въ августѣ представители пяти великихъ державъ въ Константинополѣ предложили Портѣ свое посредничество; оно состояло въ томъ, что консулы великихъ державъ будутъ на театрѣ возстанія внушать непокорнымъ Славянамъ о томъ, что «они, Славяне, должны оставить свое памѣреніе и не надѣяться на поддержку Европы, вступивъ съ комиссарами въ переговоры, ограничиться развѣ тѣмъ, и подать жалобы на притѣсненія.» При этомъ Европа, чего и слѣдовало ожидать, требовала отъ Славянъ положить мечъ въ ножны, подѣ предложомъ перемирія.

Но видно Славянамъ было убѣжденія недостаточно, хотя на это дѣло были присланы консулы самые краснорѣчивые и ловкіе. Цѣлый мѣсяцъ и на всевозможныя манеры увѣщевали Славянъ не шумѣть. Славяне благосклонно слушали, благодарили за совѣтъ и расположеніе, но оружіе изъ рукъ не выпускали и покупали патроны на послѣднія деньги.

Между тѣмъ къ Турціи приступалъ кризисъ. 25 сентября (6 октября 1875 г.), съ Портой случилось наконецъ то, чего и слѣдовало ожидать: она объявила себя несостоятельною по уплатѣ процентовъ какъ по иностраннымъ, такъ и по внутреннимъ займамъ, хотя обѣщала платить одну половину палочными деньгами, а другую процентными бумагами.

Тутъ стало видно, что силы Турціи истощены въ высшей степени, если мѣстное возстаніе отозвалось такъ скоро и такъ рѣшительно на ея государственномъ хозяйствѣ.

На лондонской, парижской и вѣнской биржахъ сотни милліоновъ турецкихъ бумагъ повалились съ грохотомъ, если бумаги могутъ издавать грохотъ, а главнымъ образомъ грохотъ этотъ происходилъ отъ громкихъ проклятій, произносимыхъ ихъ обладателями. На эти бумаги не было ни одного покупателя.

Пока стонали милліоны Славянъ подѣ гнетомъ турецкихъ властителей, пока лилась одна славянская кровь въ неравной борьбѣ, Турція была исправною плательщицею европейскихъ государствъ. Но когда небольшое число европейскихъ капиталистовъ и бережливыхъ буржуа, падкихъ на большіе проценты, потеряли часть своего состоянія отъ турецкихъ денежныхъ бумагъ, обществен-

ное мнѣніе зашевелилось на западѣ, и покровительствуемое ими дѣйствіе впадо въ немплость.

Прежде всего заговорила о турецкихъ безпорядкахъ англійская газета «*Times*», а потомъ уже и всѣ прочіе за исключеніемъ немногихъ начали сочувственно относиться къ славянскому возстанію. Повстанцы въ этомъ видѣли большое одобреніе Европы, можетъ быть даже большее, чѣмъ думали писавшіе.

Въ одномъ не было разногласій: всѣ признали необходимость реформъ въ государственномъ строѣ державы, возрожденіе которой было провозглашено на развалинахъ Севастополя и которая чрезъ двадцать лѣтъ оказалась на краю пропасти, готовая ежеминутно свалиться въ нее отъ славянскаго натиска. Реформы для славянъ были начертаны рукой Андраши, рукою австрійскаго государственнаго дѣятеля и мадьяра—слѣдовательно врага Славянъ вдвойнѣ, ненавистника Россіи по крови, по воспоминаніямъ 1848 года, по настоящему своему положенію, какъ руководителя государства, весь строй котораго заключается въ мадыро-турецкой гегемоніи надъ Славянами, въ подавленіи мадѣйшаго ихъ попользованія къ политической равноправности.

Какъ и слѣдовало ожидать, реформы, сочиненныя графомъ Андраши для Славянъ, вышли старой погудкой на новый ладъ. Заключались они въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: 1) Полная свобода совѣсти. 2) Отмѣна отдачи податей на откупъ. 3) Порта издастъ законъ объ употребленіи прямыхъ налоговъ, собираемыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ, на пользу этихъ провинцій. 4) Учрежденіе смѣшанной комисіи изъ мусульманъ и христіанъ для надзора за приведеніемъ въ дѣйствіе обѣщанныхъ Портою реформъ. 5) Улучшеніе въ хозяйственномъ положеніи жителей Босніи и Герцеговины.

Всѣ эти реформы лишь передавали въ новой редакціи давнишнія неоднократно обѣщанія Порты и не затрогивали корня зла, отъ котораго страдали Славяне.—Невыносимо высокаго размѣра податей и земельныхъ отношеній раи къ мусульманамъ бегамъ, беямъ и спахіямамъ, овладѣвшимъ всей землей и наконецъ самое согласіе Порты на требовавшіе по нотѣ гр. Андраши реформы не представляли никакого ручательства въ ихъ исполненіи на дѣлѣ.

Но и это скромное по формѣ, ничтожное по сущности, отношеніе Европы къ Турціи, должно было пройти огонь и воду, прежде чѣмъ достигло мѣста своего назначенія.

Составленная въ октябрѣ нота Андраши, благодаря уловкамъ Порты и Англии, была предъявлена въ Константинополь лишь въ январѣ 1876 года. Сначала Англія сдѣлала нѣсколько возраженій, но потомъ согласилась на предъявленіе ноты, замѣтивъ однако, что нота эта не можетъ имѣть въ глазахъ англійскаго правительства никакого значенія.

По совѣту Эліота, Порта воспользовалась этимъ длиннымъ промежуткомъ, чтобы по собственному почину издать фирманъ съ обѣщаніемъ всѣхъ тѣхъ же преобразованій, какія требовались австрійскимъ правительствомъ въ его нотѣ.

Когда наконецъ 18 (31) января графъ Зичи, посланикъ Австро-Венгрии при Портѣ, вручилъ ноту турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Решиду-Пашѣ

и представители прочихъ державъ—покровительницъ въ тотъ же день, по одиночкѣ явились къ нему съ просьбой обратить свое благосклонное вниманіе на нее, всѣ въ Константинополѣ знали, что эта церемонія совершилась лишь для очистки совѣсти западной дипломатіи передъ общественнымъ мнѣніемъ и отчасти передъ Россіей; Турки знали также, что Англія держитъ ихъ сторону. Но съ другой стороны въ продолженіи 2 мѣсяцевъ между составленіемъ и предъявленіемъ ноты, Славяне и всѣ, кто сочувствовалъ освобожденію ихъ отъ турецкаго ига, успѣли вдоволь посмѣяться надъ этимъ канцелярскимъ палліативомъ, надъ этой новой заплатой на вѣковыя раны Славянства.

Въ отвѣтной нотѣ Решидъ-Паша благодарилъ Австро-Венгерскаго посла за добрыя намѣренія и обѣщалъ приступить къ осуществленію требованій гр. Андраши, какъ скоро позволятъ обстоятельства. Сама Порта прибавила новую надсмѣшку.

Консулы европейскихъ державъ, засѣдавшіе въ Мостарѣ, обратились къ вождямъ Герцеговинцевъ и Боснійцевъ съ увѣщаніями принять ноту графа Андраши, какъ доказательство попеченій Европы о ихъ бытѣ и заключить миръ съ Портой. Отвѣтъ не освѣжилъ воздухъ, сгущенный въ теченіи зимы дипломатическими словопреніями, въ которыхъ юные побѣги славянскаго возрожденія грозили совершенно завянуть и окоченѣть.

Въ протестѣ ихъ противъ реформъ гр. Андраши, обнародованномъ въ Суторинѣ 14 (26) февраля за подписью воеводъ Лазаря Сочицы, архимандрита Мелентія, Луки Павловича и попа Богдана сказано было:

«Мы сознаемъ въ томъ, что ничего не понимаемъ въ придуманныхъ нѣкоторыми Европейскими державами реформахъ, долженствующихъ установить равноправность между христіанами и мусульманами. Подобная равноправность неосуществима. И, наконецъ, желательная для насъ реформа заключается въ нашей полной независимости и свободѣ. Мы ничего не хотимъ, если намъ отказываютъ въ независимости. Если мы не можемъ достигнуть этой свободы, пусть приготовятъ намъ моплы, куда мы готовы лечь, чѣмъ положить оружіе. Только свобода и независимость могутъ насъ обезоружить и чтобы истребить насъ, нужна сила значительнѣе турецкой. Но если и насъ не будетъ, то останутся жены и дѣти, чтобы мстить за насъ».

«Сегодня мы взываемъ къ Европѣ: помогите намъ, защитите насъ; завтра будетъ поздно».

«Политическія комбинаціи—не наше дѣло. Европейская пресса можетъ имъ заниматься всласть, но мы зашли слишкомъ далеко, чтобы остановиться; мы должны продолжать сражаться, жечь и побѣждать. Мы можемъ положить оружіе только тогда, когда намъ представятъ такую же независимость, какую пользуется Черногорія. Мы надѣемся, мы ждемъ, мы увѣрены, что могущественная, свѣлая и славная Россія придетъ спасти свободу Славяно-Сербовъ. Теперь или никогда!»

Этотъ манифестъ высказывалъ безъ прикрасъ, что возставшіе Сербы желаютъ свободы, а не мусульманскаго владычества на новый ладъ. Онъ не оставлялъ

никакихъ сомнѣній на счетъ рѣшимости возставшихъ побѣдить или умереть. Однако Австро-Венгрія рѣшилась усмирить непокорныхъ. Она поручила это дѣло далматинскому Генераль-Губернатору Родичу.

Нѣкоторые вожди Герцеговинцевъ пріѣхали къ нему въ Рагузу. 20 февраля (4 Марта). Самъ Сербъ по происхожденію, баронъ говорилъ мягко и вкрадчиво; но какъ австрійскій чиновникъ, не поскупился и на угрозы въ случаѣ, если повстанцы не положатъ оружіе. То были слова вопіющаго въ пустынь—Герцеговинцы увѣщанія пропустили мимо ушей, а на угрозы, что Австрія начнетъ притѣснять ихъ, не будетъ пропускать военныхъ припасовъ, не дастъ хлѣба семействамъ повстанцевъ, укрывавшимся въ сосѣднихъ славянскихъ провинціяхъ Цислейтанія и Венгрія, отвѣчали, что онѣ надѣются на Россію, которая не дастъ ихъ женамъ и дѣтямъ умерѣть съ голода. Такой рѣшительный и не совсѣмъ почтительный отказъ отъ благодѣтельныхъ реформъ гр. Андраши, раздражилъ и австрійское и англійское правительства; онъ въ то же время напугалъ ихъ, потому что, какъ недавній протестъ, такъ и послѣднія рѣчи герцеговинскихъ вождей открыли имъ глаза на то, что вопреки Севастопольскому погрому и Парижскому трактату, обаяніе Россіи въ славянскихъ земляхъ не только не уничтожено, а напротивъ окрѣпло и выросло по той самой причинѣ, что дипломатія западныхъ державъ постоянно поддерживала Турцію, а Славянамъ предлагала камень, когда они вопили о хлѣбѣ. Англія свой прежній отвѣтъ повторила въ Константинополѣ.—Дѣло трудное всегда для Англичанъ, когда оно сопряжено съ интересами Турціи, или, что одно и то же, съ ихъ собственными. Англія рѣшила что двинетъ побольше войска турецкаго въ возставшія провинціи и разомъ покончитъ съ славянскимъ движеніемъ; мысль эту и предложила Турціи. Австрія-же приступила къ дѣлу и начала съ того, что усилила по всей границѣ военные кордоны, не пропускала семейства борцовъ за свободу на свою территорію, самихъ-же повстанцевъ, если они искали убѣжища отъ преслѣдовавшихъ ихъ турецкихъ войскъ, стала задерживать.

26 февраля (10 марта) австрійскій патруль арестовалъ одного изъ вождей возстанія, Любобратича, при переходѣ его въ Австрію со всѣмъ его штабомъ и волонтеркой госпожею Маркусь.

Австрія первая враждебно отнеслась къ славянскому возстанію, хотя въ началѣ мрволила и заискивала даже чего то. Но арестъ Любобратича разомъ озарилъ двусмысленность ея политики.

Съ устъ австрійской дипломатіи не сходили то и дѣло соболѣзнованія относительно участи Славянъ и обѣщанія защитить ихъ отъ турецкаго фанатизма; на дѣлѣ-же Австрія дѣйствовала совершенно по своему. Пока Австрія вѣрила, что Турція сама найдетъ, управится съ повстанцами, она относилась одинаково дружески и съ врагами и съ друзьями славянъ. Но коль скоро обнаружилось полное безсиліе мусульманъ и славянское волненіе стало возрастать, то Австро-Венгрія стала открыто дѣйствовать за Турцію и накинулась на Герцеговинцевъ съ тылу.

Протестъ вождей возставшей Герцеговины заключалъ также воззваніе къ Сербамъ княжества, не лишенное укоризнъ въ мягкой такъ сказать формѣ.

«Почему», говорилъ онъ, «наши внутренніе раздоры между членами одной и тойже семьи до сихъ поръ не прекратились? Почему необходимо, чтобы эти несогласія продолжали существовать? Отрицать ихъ, — было-бы опасно, наша сестра Сербія еще не расположена стать на нашу сторону».

«Для насъ тяжело въ этомъ сознаться, но мы должны засвидѣтельствовать эту горькую истину; еслибъ сербскій тронъ былъ теперь занятъ однимъ изъ потомковъ Карагеоргіевича или прямымъ наслѣдникомъ Милоша, наши крики отчаянія были-бы услышаны, а наши мученики—отомщены. Высокій умъ князя Милоша, еслибъ этотъ князь былъ живъ, не сталъ бы въ такую критическую минуту псчислать глубину моря, высоту небесъ; не сталъ бы оглядываться кругомъ, на право и на лѣво, но двинулся бы кратчайшимъ путемъ въ Боснію и Герцеговину».

«Мы будемъ говорить просто, безъ краснбайства, пользуясь нашими національными выраженіями, въ отвѣтъ на многія сообщенія и заявленія, какъ нашихъ друзей такъ и нашихъ враговъ».

«Но увы! князь Милошъ умеръ!»

Народъ въ Сербіи съ самаго начала движенія въ Герцеговину волновался; преданія объ изгнаніи турокъ изъ княжества были еще живы; къ нимъ присоединились надежды объ освобожденіи всѣхъ сербовъ—а Герцеговины, Босняки, жители старой Сербіи—также Сербы, что и жители княжества—и возстановленіе сербскаго царства славной памяти Душана. Мечты эти особенно горячо воспламеняли образованную молодежь и не чужды были государственнымъ людямъ княжества.

Правительство осенью 1875 года приступило было къ вооруженіямъ, но подъ давленіемъ западной дипломатіи и по совѣту Россіи, приостановило ихъ. Обращеніе Герцеговинцевъ къ сербскому народу дало новую пищу этимъ мечтамъ и усилило волненіе. Партія войны въ Бѣлградѣ снова выдвинулась впередъ и Мариновичъ долженъ былъ настоять передъ княземъ Миланомъ на мобилизаціи части милиціи. Въ виду того, что и турки стягивали свои войска къ границамъ княжества, дипломатическіе представители Россіи, Австріи и Англіи сдѣлали внушеніе князю Милану; князь простодушно и откровенно сознался предъ ними, что при всемъ желаніи сохранить миръ, онъ внѣ всякихъ обѣщаній, такъ какъ не можетъ возстановить порядка въ своемъ министерствѣ, котораго дѣйствія были направлены противно.

Князю Милану приходилось трепетать за свой престоль, такъ какъ Кара Георгіевичъ, пользуясь послушностью Милана западной дипломатіи, прилагалъ всѣ старанія, чтобы возбудить къ себѣ расположеніе Сербовъ, возбуждая ихъ къ войнѣ съ Турціей, и обѣщая стать во главѣ ихъ. Народное возбужденіе росло. Тогда былъ изданъ приказъ всѣмъ Сербамъ, числящимся въ милиціи, поспѣшить окончаніемъ полевыхъ трудовъ въ теченіи марта мѣсяца и приготовиться къ выступленію въ походъ.

Въ это время возбужденіе народа достигло того напряженія, что остановить его было невозможно.

Какъ не желала Европейская дипломатія уладить славянскія смуты съ одной стороны и какъ не мечтали съ другой стороны горячія головы въ Сербіи возстановить царство Душана, вопросъ о мирѣ и войнѣ всецѣло лежалъ въ рукахъ горсти Герцеговинцевъ. И Герцеговинцы рѣшили этотъ вопросъ. Но Боже сохрани, если-бы они пали въ борьбѣ съ турецкими полчищами, если-бы уступили увѣщаніямъ дипломатовъ! Западная Европа успѣла бы усмирить и Сербію и задержать въ дальнѣйшемъ славянское движеніе на многіе годы, какъ сугубою дѣятельностью такъ равно и никакими негодными полуреформами и надзоромъ. Народный инстинктъ или вѣрнѣе характеръ, духъ народа чутко понялъ важность минуты дѣйствія: Герцеговинцы не поддались ни въ ту, ни въ другую сторону, рѣшившись жить и умереть за свободу.

Порта, слѣдуя добрымъ совѣтамъ Австріи и Англіи—поскорѣе подавить возстаніе Герцеговины, поторопилась снарядить нѣсколько десятковъ батальоновъ для отправки на театръ военныхъ дѣйствій.

Чтобы выиграть время, главнокомандующему надъ турецкимъ войскомъ въ Герцеговинѣ было поручено вступить при посредствѣ барона Родича въ переговоры съ Славянами относительно перемирія и реформъ, и вотъ 6 (18) Марта Мухтаръ-Паша и баронъ Родичъ имѣли свиданіе въ Кастель Нуово, на которомъ турецкій генералъ просилъ австрійскаго выхлопотать перемиріе на двѣнадцать дней, именно на тотъ срокъ, въ который могли прибыть свѣжія турецкія войска, ожидаемыя Мухтаромъ.

Герцеговинцы отказали на отрѣзъ и когда Мухтаръ выступилъ изъ Гацко въ Никшичъ, для снабженія этой крѣпости провіантомъ, разбили его при дорогѣ близъ Крестаца и заставили его ночью уйти обратно въ Гацко съ сильнымъ урономъ.

Черезъ недѣлю 14 (26 марта) послѣдовало новое свиданіе Мухтара-паша съ барономъ Родичемъ въ Рагузѣ съ тѣми же послѣдствіями; на этотъ разъ самъ Родичъ прекратилъ переговоры съ уполномоченнымъ Порты, замѣтивъ, что онъ тянетъ ихъ только для проволочки времени и не представляетъ никакихъ гарантій осуществленія обѣщанныхъ реформъ.

Однако между ними состоялось соглашеніе о перемирії съ 16 по 29 Марта. Перемиріе было фиктивное, Герцеговинцы не приняли его, но Мухтаръ-Паша не дѣйствовалъ наступательно, въ ожиданіи подкрѣпленій. Главнымъ образомъ оно ознаменовалось тѣмъ, что баронъ Родичъ явился вторично на свиданіе съ вождями Герцеговинцевъ съ вторичными убѣжденіями ихъ положить оружіе. Но убѣжденія остались тщетными.

Свиданіе происходило 25 марта (6 апрѣля) въ Кастельнуово; пріѣхало на него пятьдесятъ Герцеговинцевъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые вожди, но не было главнаго—Неко Павловича. Наканунѣ съ ними повидался г. Веселичкій-Божидаровичъ, проходившійся вокругъ и около возстанія, въ надеждѣ получить изъ рукъ западной дипломатіи княжеское званіе въ Герцеговинѣ и Босніи и очень желавшій носить это званіе, какъ вассалъ султана.

Онъ предсталъ предъ простыми бойцами за свободу въ мишурномъ блескѣ лица, посвященнаго въ виды дипломатіи, но никакою впечатлѣнію не произвелъ. Надъ нимъ подсмѣивались и считали его за агента, подосланнаго турками. Онъ роздалъ Герцеговинцамъ золотыя и серебряныя бездѣлушки, присовѣтовалъ имъ быть миролюбивыми и принять реформы графа Андраши. Вожди приняли серебряныя портъ-сигары, пистолеты и ружья съ богатыми рукоятками, но совѣтовъ этого паразита славянскаго движенія не приняли.

Затѣмъ выступилъ самъ Родичъ, произнесъ длинную рѣчь, въ которой совѣтовалъ принять реформы графа Андраши и положить оружіе, заключивъ ее слѣдующими словами: «Такъ какъ настоящее возстаніе грозитъ всеобщему миру, то великія державы согласились и рѣшили отрѣзать вамъ всякую помощь».

Слова эти произвели негодование въ средѣ Герцеговинцевъ и въ особенности въ средѣ ихъ вождей; они зароптали.

На официальныхъ переговорахъ, происходившихъ на слѣдующій день 26 марта (7 апрѣля), Герцеговинцы не всѣ убѣжденія Родича имѣли одинъ отвѣтъ:

«Не вѣримъ Туркамъ; мы ищемъ свои права; да, права свои ищемъ; пусть Австрія и Россія гарантируютъ намъ безопасное существованіе».

На увѣщаніе положить оружіе, приправленное угрозой притѣсненія бѣжавшихъ въ Австрію семействъ, всѣ отвѣтили въ одинъ голосъ:

«Пускай скорѣе наши семейства умрутъ, а пока мы не получимъ нашихъ правъ, до тѣхъ поръ не хотимъ вернуться къ Туркамъ.»

Битвы возобновились.

Мѣстнымъ перемиріемъ турки воспользовались для того, чтобы сосредоточить большую армію близъ Гацко, мѣстечка, отстоявшаго отъ Никшича приблизительно въ 30 верстахъ. Чтобы изъ Гацко попасть въ Никшичъ надо пройти черезъ узкое горное ущелье, такъ называемое «*Дужскій проходъ*». Тутъ то въ гористой мѣстности, отлично знакомой и Сочичѣ съ его дружиной и Черногорцамъ, подошедшимъ къ нему на помощь, Герцеговинцы сосредоточивали свои силы каждый разъ, когда Мухтаръ намѣревался пробраться въ Никшичъ.

До мнимаго перемирія Турки были разбиты на голову не доходя Дужскаго прохода на протяженіи отъ Муратовиць до Крестца. Оправившись отъ этого пораженія, собравъ 28 батальоновъ низама (пѣхоты), Мухтаръ Паша въ четвергъ на страстной недѣлѣ выступилъ изъ Гацко по направленію къ Никшичу; славяне допустили ихъ до форта Пресѣки; здѣсь въ страстную субботу произошло кровопролитное сраженіе: 4000 герцеговинскихъ храбрецовъ одержали верхъ надъ арміею Мухтара Паша, заняли турецкій укрѣпленный лагерь, и обратили турокъ въ бѣгство. Три батальона Мухтара Паша истреблены, часть провіанта отбита... Словомъ, Славяне побѣдоносно встрѣтили Пасху, было чѣмъ разговѣться. Сраженіе продолжалось на Свѣтлое Воскресеніе. Въ этотъ-же день Никшичскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, чтобы соединиться съ арміею Мухтара, но торжественно былъ препровожденъ Герцеговинцами вспять, за стѣны фортицы.

Въ понедѣльникъ Турки были отѣплены Славянами между фортами Пресѣкой и Поздрими, на обратномъ пути въ Гацко. Тутъ бой происходилъ въ рукопаш-